

И. А. ЛИННИЧЕНКО

Мои встречи с Львом Толстым

<...> В Румянцевском музее в течение многих лет состоял помощником библиотекаря Н. Ф. Федоров, личность во многих отношениях крайне любопытная. В нем было что-то, по своей загадочности напоминавшее столь популярного в последнее время старца Федора Кузьмича¹. Кто он был по происхождению, в точности неизвестно. Ходили неопределенные слухи, что он был незаконным сыном какого-то магната. Образование он, видимо, получил превосходное, языки иностранные знал в совершенстве — и, однако, он никогда не говорил иначе, как по-русски. Никто не слышал его чтения на каком-либо иностранном языке. Указывая кому-либо цитату в иностранной книге, Н. Ф. читал ее *a livre ouvert*² по-русски, будь то книга французская, немецкая, английская, и при этом читал так быстро, словно книга была писана по-русски. Памятью он обладал феноменальной. К нему за справками и советами в Румянцевский музей приходили всевозможные специалисты, и Н. Ф., узнав, какой вопрос интересует вопрошающего, немедленно доставал, не справляясь ни с какими каталогами, целые груды книг и статей по желаемому вопросу. Заведовал он выдачей книг из библиотеки в читальную залу и доставал любую из требуемых книг немедленно, зная наизусть место каждой в огромной библиотеке Румянцевского музея.

Он жил жизнью, если не отшельника — людей и общество Н. Ф. очень любил, — то подвижника. Получая жалованья 35 руб. в месяц, он занимал где-то комнату за гроши; из жалованья он оставлял себе сумму, достаточную на пару стаканов молока и хлеб; из оставшейся суммы часть он раздавал музейским служителям, считая жалованье их недостаточным; кроме того, каждое двадцатое число в музей являлись какие-то неизвестные лица, которых мы называли стипендиатами Н. Ф. — им он вручал по рублю-два. Н. Ф., каким я его помню, был стариком возраста, несомненно, уже весьма преклонного, но еще удивительно бодрым, живым, порою капризным и вспыльчивым; худощавый, несколько уж со-

гбенный, среднего роста, почти совершенно лысый, с бледным лицом изящного овала, с правильными чертами и удивительными лучистыми голубыми глазами. Ходил он всегда, и летом и зимой, в одном и том же костюме, состоявшем из старенького пальто, всегда в галошах. Приходил в музей чуть не с восходом солнца, уходил позже всех. Целый день без устали, с юношеской живостью, он бегал по лестницам, доставал книги, не имея терпения дожидаться слугителя или жалея его ноги.

Бесконечно добрый и сострадательный к человеку вообще, Н. Ф. к отдельным лицам относился часто крайне пристрастно. Не взлюбил кого, и вы ничем, никакими доказательствами не убьете его антипатии к тому или иному лицу, антипатии, рождавшейся у него, как у человека исключительной впечатлительности, случайно, иногда по пустому поводу. Правда, в этом отношении он обладал и хорошим чутьем, распознавая фальшь там, где многие видели искренность и убеждение. Так, напр<имер>, он внезапно возненавидел одного модного тогда (девяностые годы) молодого критика, постоянно пользовавшегося, благодаря содействию библиотекаря музея Н. И. Стороженка³, книгами обширнейшего из московских книгохранилищ, и перестал подавать ему руку. Я, веривший еще тогда в искренность горячих писаний молодого писателя, напрасно старался примирить Н. Ф. с критиком. Сегодня он скажет: «Может быть, я и ошибаюсь», а на следующий день опять встретит писателя с суровым видом и, не глядя на него, выдает ему, чуть не отвернувшись, книгу. «Да что вас так возмущает в NN?» — спрашиваю я. — «Торгаш, строчит за деньги». В данном случае Н. Ф. не ошибся. Спустя несколько лет молодой писатель, приобретший некоторую известность и положение, как Сикст V, сбросил с себя одежду тех убеждений, которыми прошел в литературу, и, перейдя в противоположный лагерь, стал выходить «в люди», в чем, благодаря повороту в воззрениях сфер, и успел.

Л. Н. Толстой, часто пользовавшийся (особенно в библиотекарство Н. И. Стороженка) книгами Рум<янцевского> музея, не только высоко ценил нравственные качества Н. Ф., но прямо преклонялся пред ним, видя в нем одно из лучших воплощений своих теорий о любви к ближнему и опрощения жизни. Однажды, когда я сидел в кабинете Н. И. Стороженка, приходит к нему Л. Н. «Я к вам по делу. Не знаю, что сделалось с Н. Ф. Вы знаете, как глубоко я уважаю его, а он не хочет и говорить со мной. Почему, не могу и придумать». Н. И., хорошо знавший своенравный характер старика, обещал с ним переговорить. Заинтересовавшись причиной недовольства Н. Ф. против Л. Н. Толстого, я отправился на следующий день к Н. Ф. и спрашиваю его, что он имеет против Л. Н. Толстого и что он такое ему сказал в последнее перед тем свидание. Вызвать Н. Ф. на откровенность было не легко. Я мог

только понять, что у Н. Ф. с Толстым был разговор на какие-то философские темы и Н. Ф. воззрениями Толстого остался недоволен. Когда Толстой стал ссылаться на то, что уже раньше писал о вопросах, бывших предметом спора, Н. Ф. ответил ему: «Да ведь вы, Л. Н., тогда были не только знаменитым писателем, но и неглупым человеком». Удалось ли Н. И. примирить Л. Н. Толстого с Н. Ф., не помню. <...>

